

Budziszewska 1972 — *Budziszewska W.* Związki polsko-ruskie w zakresie terminologii botanicznej // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 1972. T. 11. S. 113—121.

Budziszewska 1993 — *Budziszewska W.* Z gyralskich nazw roślin (na tle porównawczym) // *Historia leków naturalnych IV*. Warszawa, 1993. S. 87—97.

Folfasiński 1975 — *Folfasiński S.* Polskie zagadki ludowe. Warszawa, 1975.

Henslowa 1977 — *Henslowa M.* Z badań nad wiedzą ludową o roślinach. II. *Thymus serpyllum L.* — *Macierzanka piaskowa*, III. *Ruta graveolens L.* — *Ruta zwyczajna* // *Slavia Antiqua*. 1977. T. 24. S. 163—212.

Kalinowska 1949 — *Kalinowska Z.* Polskie nazwy roślin dopisane w niemieckim Zielniku H. Bocka z r. 1587 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 1949. Vol. 4, № 5. Sectio E. S. 153—239.

Machek 1954 — *Machek V.* Česká a slovenská iména rostlin. Praha, 1954.

Myl 1999 — *Myl B.* Zioła w polskim językowym obrazie świata (Praca magisterska). Lublin, 1999.

Orzeszkowa 1888 — *Orzeszkowa E.* Ludzie i kwiaty nad Niemnem // *Wisła*. 1888. T. II. S. 1—15; 1891. T. V, z. II. S. 675—703.

Pawłowski 1974 — *Pawłowski E.* Polskie nazwy roślin. Pryba klasyfikacji semantycznej // *Studia indoeuropejskie*. 1974. S. 163—169. (Prace Komisji językoznawstwa. № 37).

Piškur 1965 — *Piškur M.* Pomenska analiza beside *baba* // *Jezik in slovstvo*. 1965. Št. 1. S. 6—15.

Rokossowska 1889 — *Rokossowska Z.* O świecie roślinnym wyobrażenia, wierzenia i podania ludu ruskiego na Wołyniu we wsi Jurkowszczyźnie pow. Zwiąhelskim // *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*. 1889. T. XIII. S. 163—199.

Rostański 1904 — *Rostański J.* Prowincjonalne polskie nazwy roślin XVIII w., z prus książęcych, głównie z rękopisu Andrzeja Helwinga. Kraków, 1904.

Seweryn — *Seweryn T.* Ikonografia etnograficzna // *Lud*. 1946. T. 37. S. 277—308; 1947. T. 38. S. 229—276; 1948—1951. T. 39. S. 291—354.

Słownik 1979 — *Słownik prastłowiański*. T. 3. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.

Spólnik 1990 — *Spólnik A.* Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Ossolineum. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łydz, 1990.

Szot-Radziszewska 1999 — *Szot-Radziszewska E.* Roślina w etnograficznych publikacjach Władysława Siarkowskiego // *Historia leków naturalnych V. Materia pharmaceutica*. Warszawa, 1999. S. 106—127.

Szot-Radziszewska 2005 — *Szot-Radziszewska E.* Sekrety ziół. Wiedza ludowa, magia, obrzędy, leczenie. Warszawa, 2005.

М. МАЛОХА
(*Кельце, Польша*)

НАЗВАНИЯ ХТОНИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФИТОНИМИИ

Фитонимы с компонентом-наименованием хтонического животного встречаются во всех славянских языках. Приблизительно одинаков и этнокультурный статус змеи, ужа, лягушки и мыши в традиционных культурах славян, однако наибольшее число соответствий объединяет восточнославянский ареал прежде всего с польским. В этой связи определенный интерес представляет место земноводных в фитонимических системах польского и восточнославянских языков, выявление приоритетных для номинации мотивационных моделей соответствий в плане семантики и коннотативных совпадений. Кроме того, уместно поставить вопрос и о заимствованиях в сфере ботанической номенклатуры этого ряда.

При выделении лексической тематической группы фитонимов, содержащих в качестве компонента название какого-либо хтонического животного, обращается внимание на особенности внешнего вида и места произрастания растений. Важными при номинации фитонимов являются такие признаки растения, как форма цветка, стебля, листьев. Одна и та же реалья может иметь несколько названий, всякий раз актуализируя разные мотивировочные признаки. Однако в данном случае немаловажную роль играет и культурологический фон, так как исследуемые фитонимы представляют собой одну из микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурного освоения человеком окружающего пространства.

Названия растений сами по себе являются именами идентифицирующего типа, в связи с чем отличаются многоаспектностью семантики. «Из множест-

ва аспектов семантики в производных именах натурфактов чаще всего оказываются представленными аспекты, характеризующие натурфакт онтологически. Независимо от человека существование натурфакта обуславливает прежде всего наблюдение, узнавание его человеком, а потом его возможное использование. Это и предопределяет преобладание характеризующего аспекта при именовании натурфактов над функциональным» [Жукова]. Функциональные наименования растений отражают ситуацию использования человеком свойств натурфактов в своих целях, например, *змеевик* — растение, которым лечат укус змеи. Вместе с тем, «номинативные модели образования фитонимов обусловлены не столько характером отражаемых в названии объективных знаний о реалии, сколько этнокультурными стереотипами, направляющими поиск номинатора в выборе обозначаемого. Другими словами, вся система фитонимических номинаций пронизана субъективностью отбора и интерпретации мотивировочных признаков, способов и средств номинации в плане отражения в данной лексической подсистеме стереотипов национального сознания» [Коновалова 2001, 36].

Среди хтонических животных, образы которых остались запечатленными в ботанической номенклатуре, выступают жаба, змея и уж, много реже — мышь. «Названия жабы и лягушки — “земноводных чудищ”, издавна поражающих воображение человека, являются неисчерпаемым источником как мифологических отождествлений, так и “живых” метафор» [Березович 2007, 311], в том числе и в системе восточнославянской и польской фитонимии. Мотивирующий фон для обозначения растений посредством образа жабы создают особенности их внешнего облика и места произрастания. Вместе с тем, не каждое название с корнем *жаб-* однозначно и прямолинейно восходит к обозначению земноводного. Есть основания думать, что у названий животного и некоторых растений имеются общие этимологические истоки. Мотив «бугристости»

кожного покрова жабы отражается в таких диалектных лексемах, как костр. *жабиться* ‘коробиться от жары (о дереве)’ [СРНГ 9, 226] или бел. *жабіцца* ‘морщиться, иметь бугристую форму’ [ЭСБМ 1985, 193].

Исследователи предлагают и еще одну версию объяснения подобных названий. Так, в начале XIX в. Я. Борщевский пересказал легенду о жабер-траве, которая растет на дне глубокого озера среди острых камней во владениях духа Фарона. В полдень, в ясный солнечный день, жабер-трава светится на дне, как яркая звездочка. Если сорвать ее в это время, то можно стать владельцем чудодейственной силы этого растения. Перед нею терял свою силу даже огонь [Баршчэўскі 1990, 226—232]. По мнению С. Санько, на создание мифологического образа жабер-травы повлияла близость к литовским словам с основой на *žib-*: *žiburys* ‘свет, огонь’, *žibėti* ‘блестеть, светить, сиять’, *žibuōklė* ‘подснежник’ (ср. бел. *жабіныя очкі*) [Санько 2006, 162].

В этнокультурных представлениях о жабе особое внимание уделяется ее глазам, соответственно, в наименованиях растений с компонентом *глаз, око* закономерно отразились особенности строения цветка. Естественно, для такого типа номинации избираются растения с мелкими, чаще голубыми цветками с яркой сердцевинкой. К примеру, незабудка болотная *Myosotis palustris* With. получила в белорусских говорах название *жаби очки* (Гродн.) [Анненков 1878, 220], ср.: чеш. *žabi oko*; пол. *żabie oczka* [Sokólska 2003, 182], укр. гуцул. *око жійблице* ‘незабудка альпійська’ [Піпаш, Галас 2005, 124], *очи гадичі* ‘незабудка’ [Піпаш, Галас 2005, 130], бел. *жабернік, жабіныя вочкі* ‘незабудка’ (см. иные белорусские названия этого растения из той же мифолого-семантической сферы: *сляпай, курыная слепата, смяртэльнік*) [РС 2001, 98]. Подобие с глазом лягушки становится актуальным для именовании и ряда иных растений: бел. полесск. *жабіныя очкі* ‘синие подснежники’ (*Жабіныя очкі растуць коло лесу* [ТС 2, 55]), запад.-бел. *ворля вочкі* ‘ромашка’, ср. литовск. *varlė* ‘лягуш-

ка' [СБГПЗБ 1, 328]; польский фитоним *żabie oczka* относится к растению с мелкими голубыми цветками — веронике дубравной *Veronica chamaedrys* L. [Sokólska 2003, 188], *żabya oczko* — к *Batrachium aquatile* L. [Spólnik 1990, 52]. Ср. также обозначение очанки лекарственной *Euphrasia officinalis* L. как *жабной травы* [СРНГ 9, 51].

В структуре славянских народных представлений о жабе значимым оказывается мотив рта [Березович 2007, 315], в связи с этим возникает вопрос: не стало ли внешнее подобие *львиного зева* *Antirrhinum* L. с открытым «ртом» основанием для обозначения его в диалектах как *жабрей* [СРНГ 9, 52]. Ассоциации с внешним видом лягушки вызывали и такие обозначения, как пол. *żaby nogtek* 'десятил британский *Inula britannica* L.' [Spólnik 1990, 34], *żabia zob* 'Lemna minor L.' [Spólnik 1990, 44].

В качестве мотивации названия растения выступает сходство с жабьей икрой или стебля растения, или его листьев: пол. *żabie gronka* '1. *Hernana glabra*', 2. 'ambrozja *Ambrosiana mexicana*', стебли которой, густо покрытые листьями, напоминают разбросанную икру [Sokólska 2003, 182]; в других источниках как *żabie gronka* упоминается *połonicznik nagi* 'грыжник гладкий *Herniaria glabra* L.', известный и под именами *kaczye midło*, *sporysz żabie gronka*, *żabie gronka gładkie* [Spólnik 1990, 38]. Стебель, обильно покрытый листьями, послужил основанием для возникновения фитонима пол. *żabie kosmy* '*Geranium* L.' [Spólnik 1990, 116]; см. также бел. *жабіны курачкі* 'поникница опушенная с цветками' [РС 2001, 102].

Среди прочих «жабьих» растений пол. *żabi kwiat* 'одуванчик, *Taraxacum officinale* L.' [Spólnik 1990, 32], *żabieniec* 'частуха, водяной подорожник *Alisma plantagoaquatica* L.' [Spólnik 1990, 53], рус. *жабин корень* 'колокольчик сибирский *Campanula sibirica* L.' [СРНГ 9, 50], укр. *жабин корінь* 'колокольчик сибирский' [Шамота 1985, 36], бел. *жабінец* 'бобовник' [РС 2001, 179], *жабнік*, *жабер*, *жабер'е* 'растение с нитеподобным стеблем и сердцеподобными листьями, которое свободно

плавает по воде' [РС 2001, 188], *жабіна мыла* 'копытник, у которого долгое мясистое корневище, в котором много крахмала' [РС 2001, 190], рус. *жабина* [СРНГ 9, 50], *жабник* 'сем. лютиковых, чистяк *Ranunculus ficaria* L.', *жабник водяной* 'сем. лютиковых, *Menyanthes trifoliata* L.', 'сем. горечавковых, вахта трехлистная', 'сем. сложноцветных *Antennaria dioica* Gartn.' [Там же], *жабница* 'сочевичник' [Там же, 51], *жабовник* '1. лапчатка ползучая *Potentilla reptans* L., 2. '*Potentilla argentea* L.' [Там же, 53]. Ряска, растение, которое плавает на поверхности воды и затягивает водоем, закономерно соотносится с лягушачьей икрой и имеет в диалектах многочисленные названия с «жабьим» компонентом: бел. *жабурэнне*, *жабурэйка*, *жабер*, *жабура*, *жабіна ікра*, *жабіна капуста*, *кракацінне*, *жабіна дзяружка*, *дзяружка лягушачча* [РС 2001, 200—201].

Атрибутив «жабий» в фитонимии активно используется как показатель места произрастания растения, он указывает на территории, которые и в самом деле предпочитают лягушки. Среди таких растений рус. *лягушатник*, *лягушник* 'калужница болотная *Caltha palustris* L.', с ярко-желтыми внутри, блестящими снаружи лепестками (*Лягушника у нас полно, такі листики широки, зелёны, растёт в болоте, цветы желтые, как шишки* [СРГКП 2006, 185]), *лягуший цветок* 'травянистое растение' (*Лягушии цветки на болоте растут, цветки у их жёлтые, потом как одуванчики разлетаются* [СПГ 1, 1648]), пол. *żabi kwiat* 'скерда двулетняя *Crepis biennis*' [Sokólska 2003, 197], бел. *жабіна цыбуля* 'осока' [РС 2001, 202], *жабечы сітнік* 'осока с гладким, длинным, без листьев стеблем' [РС 2001, 202]. Любопытно белорусское наименование *жабіны хованкі* 'папоротник' [СБГПЗБ 2, 128].

Такая особенность некоторых растений, как прилипчивость, способность цепляться за одежду, руки, иные растения, лишь косвенно соотносится с возможностями жабы. Речь идет о растениях типа повитухи, ср. их диалектные названия: бел. *жабёрка* (*Як жнеш жыто, то жаб'ёрка сілно за рукі ўчэпі-*

ца [ТС 2, 55]). Возможно, именно такие характеристики актуальны для растений *жабер* 'пикульник *Galiopsis*' [СРНГ 9, 50], *жаберник* 'лъянка *Linaria vulgaris*' [Там же], *жабрей* 'сорная колючая трава, растущая в хлебах (в пшенице, овсе)' (*Жабрей выпалывала — колючий гад. Жабрей растет с пшеницей — его есть нельзя: лошадь поест — обезножит* [Там же, 52]). В русских говорах как *жабрей* обозначено почти двадцать видов растений [Там же], у белорусов *жабрэц* — растение с белыми или бледно-фиолетовыми цветами, которое присасывается корнями к иным травянистым культурам и питается частично за их счет [РС 2001, 127].

В русских говорах существуют растения, которые прямо называются *жаба*: 1. *Trifolium spadiceum* L., сем. мотыльковых, каштановый трилистник. Олон., 2. *Trifolium arvense* L., сем. мотыльковых, клевер пашенный, котики. Нижегород. [СРНГ 9, 49]. В наименованиях растений и приписываемых им свойствах весьма важным оказывается принцип этимологической магии. Мотивация по функции может основываться на сходстве названий растения и болезни, от которой помогает это растение. Так, например, *трава жабная* помогала от *жабы* (болезни): «*Есть трава шам, она ж и жабная. <...> Добро от жабы парить: хлебай и прикладывай*» [Ипполитова 2008, 101].

Блок «змеиных» растений также довольно многочислен, в основных моделях номинации учитываются особенности внешнего вида и произрастания, а также и то, что актуальными оказываются их магические свойства, помогающие при укусе змеи. С XVI столетия сохранились упоминания о приготовлении *ziele godowe* с молоком [Sokólska 2003, 199]. В русской традиции *змеиная трава*, *змеевик* применяются в виде припарок к укушенному месту, а также внутрь (*Если змея укусит, дак на рану змеину траву кладут* [СПГ 1, 1532]). Растения с компонентом *wężownik*, *wężowu*, *żmijowu* употреблялись также как амулеты для отпугивания жаб, ящериц [Chodurska 2003, 105]. В русских травниках упоминается *ужевник*,

который следовало иметь тому, «*кого уж или иная гадина укусит, весь яд выгонит из человека*», он также «*гадини изнутри выгонит*» [Ипполитова 2008, 101]. Вместе с тем эти травы хранили и для превентивного использования: (*У змеевой травы* (вероятно, *Veronica officinalis*) *змея откусила верхушку; цветок ее кладут в башмаки, когда ходят за ягодами, чтобы змея не ужалила* [СРНГ 11, 298]), украинцы против змеино-го укуса использовали траву *зміячка* 'козелец *Scorzonera* L.' [Шамота 1985, 54]. Зафиксировано поверье и о *слепой траве медянице*, которая вырастает из мертвых змей, приобретает зрение только в Иванов день и, увидя человека или животное, стрелой бросается на них и пробивает насквозь [Криничная 2000, 200]. Согласно белорусской этимологической легенде *змяіная трава*, *змяёўка* имеет клубнеподобное корневище со слабым, словно пересохшим, корнем потому, что этот корень перекусила змея (гадюка), когда Бог создал растение для лечения змеиных укусов [Салавей 2006, 190].

Внутри «змеино-го» блока различаются фитонимы с компонентом «змея» и «уж», хотя в ряде случаев оба компонента используются при именовании одного и того же растения. Безусловно, мощным мотивирующим признаком является среда произрастания растения — мокрые, заболоченные, низкие места. Это отражено и в латинском названии *ужовника*, *Limnathemum*, которое представляет собой сложение корней слов «болото» и «растение» [Шамота 1985, 18]. Наименование может быть мотивировано внешним видом листьев: *ужовник* имеет листья, похожие на змеиное жало, лат. *ophioglossum*, т. е. змея и язык, ср. *wężowy język* 'ужовник обыкновенный, *Ophioglossum vulgatum* L.' [Spólnik 1990, 33]. Бел. *ванжоўнік* 'горец большой *Polygonum bistorta*' имеет длинные вытянутые листья; по сообщению Э. Ажешко, его варили и ели в голодные времена [Ажэшка 2000, 495], ср. варианты названия *вужоўнік*, *вужэўнік*, *ванжэўнік*, *вужава/вужакова зелле* [РС 2001, 143], пол. *wężownik*, *hadek*, *hadowka* [Spólnik 1990, 41], *wazowecz*,

hadowe zelye, gaiowa miodunka [Там же, 42]. У поляков таким же названием обозначается и другое растение — *Arum maculatum* L.: *wężownik biały, wężownik broda, diablik* [Spółnik 1990, 34], у белорусов кроме того — *вужава зелле, то же зайчы хмель, воўча ляда* ‘крупное растение юго-запада Беларуси с лежащим ветвистым стеблем, перистыми листьями, с бело-розовыми или бело-фиолетовыми цветками’ [РС 2001, 143].

Магические свойства ужомника и его соотнесенность с темой гадов/червей весьма любопытным образом проявились в польской традиции. Верили, что если растение *wężownik* ‘горец Polygonum’ закопать в землю вместе с конем, то оно превращается в червей. При свете каганца, в который подсыпали пепел от этих червей, можно было увидеть ужей. К тому же, подвешенный возле бедра, этот корень облегчал роды [Rostafiński 1895, 74].

Кроме формы листьев значимым в процессе номинации становится вид корня растения, как это произошло в случае с растением *змеевец, змеиный корень*, пол. *gadowe ziele, żmijowy korzeń* ‘горец большой Polygonum bistorta L.’ [Sokólska 2003, 200]. Наземная часть растения нисколько не напоминает змею, но его корневище, причудливо изогнутое, имеет вполне змеевидную форму. Латинский видовой эпитет *bistorta* означает «дважды скрученный». Корневище растения несколько сплющено, темно-красного цвета, а на его поверхности находятся складки, придающие ему сходство с «раковыми шейками», отсюда происходят оба синонима основного названия — *горец змеиный, горлец, змеиный корень, рачьи шейки, змеевик-корень* [СРНГ 11, 298], укр. *ракові шейки, змійовик* [Гуцульські 1997, 104].

Лекарственные свойства растения известны еще со времен Гиппократата. В пермских говорах *змеевица* — лекарственное растение (*Когда руки болят, такой травой лечат. Листья, как осока. Внизу широка, вверху — как иголки, густо-густо, на верхушке свете синенький цветочек* [СПГ 1, 457]); *змеёва трава*

(*Змеёва трава — розовы они. Когда палец болит, так его пьют, листочки снизу отходят от стебля, меленьки* [Ставшина 2008, 182]).

Как и в случае с ужомником, название *змеиный корень* соотносится с рядом растений: *змеиный корень* ‘гравилат прибрежный Geum rivale L.’ [СРНГ 11, 300], пол. *wężowy korzeń, ziele wężowe* ‘крестовник Senecio sarracenicus’ [Sokólska 2003, 200], укр. *змійний корінь* ‘ластовень Vincetoxicum officinalis’ [Шамота 1985, 36]. Корень растения *żmijowiec* ‘аронник обыкновенный Dracunculus polyphyllus’, если носить его на шее, оберегает от укуса змеи [Rostafiński 1895, 81].

Именем *вужава зелле* у белорусов называется папороть с одним-тремя мелко расчлененными листьями, которая к тому же может именоваться *граздоўнік, ключ-трава* [РС 2001, 145]. У русских магическое растение *разрыв-трава* обозначает травы, близкие папоротникам: различные виды ужомника (*Ophioglossum*) и гроздовника (*Botrychium*). О *разрыв-траве* мечтали воры и кладоискатели, ведь она якобы разрывает запоры тюрем и превозмогает сатанинскую силу, стерегущую кладды. *Разрыв-траву* называли еще и *скакун* и *прыгун*, так как цветок ее будто бы в Иванову ночь скачет, прыгает. У этих папоротников имеется подобие цветочной кисти. Если внимательно присмотреться к такой «кисти», то окажется, что это всего лишь вытянутая часть листа с бутончиками, открывающимися в сухую погоду. С виду измененная часть листа напоминает стрелку с кистью цветков (не зря ужомник получил название *змееязычник*: от его листьев отходит вырост, напоминающий узкий язык змеи).

Ужомник и гроздовник встречаются в наших лесах очень редко, что также прибавляло им таинственности. По севернорусским поверьям, змея владеет разрыв-травой, от прикосновения которой открываются любые замки и запоры. Архангельские поморы называют эту траву *лом* и считают, что змея держит ее во рту [Гура 1997, 326]. Змее приписывалась способность раздобыть живую траву. В Гомельской области

записан рассказ о том, как человек, проводя ночь у тела покойной жены, отрубил хвост гадюке. Гадюка уползла, оставив хвост, а потом вернулась с живой травой. Приложила ее к хвосту, погладила его — и хвост прирос. Человек отобрал у нее эту траву, погладил ею жену, и она ожила [Гура 1997, 326].

Только в «Словаре русских народных говоров» зафиксирован целый ряд названий растений из разных зон России с корнем *змеи*: *змеинец* — ‘мытник болотный *Pedicularis palustris* L.’ [СРНГ 11, 300], *змеица* ‘трясунка средняя *Brisa media* L.’, *змеиный укус*, *змеиный цвет* ‘вероника широколистная *Veronica latifolia* auct.’ [Там же], *змеинка* ‘вероника колосистая *Veronica spicata* L.’ [Там же, 299], *змеиная головка* ‘*Veronica latifolia* auct.’ [Там же, 300], *змеевые головки* ‘*Polygala vulgaris* L.’ [Там же, 298], в польской традиции *zmiowe glowki* ‘*Veronica chamaedrys* L.’ [Spólnik 1990, 40]. Причем одним и тем же названием в разных регионах обозначаются разные растения: *змеевец* — ‘очанка *Enphrasia officinalis* L.’, ‘майник двулистный *Maianthemum bifolium* Schm.’, ‘вероника широколистная *Veronica latifolia* auct.’, ‘вероника колосистая *Veronica spicata* L.’ [СРНГ 11, 297], ‘герань луговая *Geranium pratense* L.’; *змеевник* — ‘кошачья лапка *Gnaphalium dioicum* L.’ и ‘лапчатка вильчатая *Potentilla bifurca* L.’; *змеевая трава* — ‘колокольчик болонский *Campanula bononiensis* L.’ и ‘вероника *Veronica officinalis*’; *змеевик* — ‘майник двулистный *Maianthemum bifolium* Schm.’, ‘ятрышник пятнистый *Orchis maculata* L.’, ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’ [Там же, 298].

Украинские «змеиные» травы представлены следующими растениями: *гадиче зили* ‘вероника дубровная’ [Піпаш, Галас 2005, 32], *зміячка* ‘*Scorzonera* L.’ [Гуцульські 1997, 104], *змії ягоди* ‘*Actaea spicata*’ [Шамота 1985, 36]. Любопытно, что у белорусов тмин обозначается как *змяёўнік* и *лясны грымотнік* [РС 2001, 126], такое необычное совмещение «верхних» и «нижних» сем может быть объяснено только в мифологическом

ключе; ср. также *гадзючнік* ‘звербой’ [РС 2001, 166], *вужачкі* ‘касач водный’ [Там же, 192].

Обращают на себя внимание и некоторые пересечения отдельных лексико-семантических полей фитонимии. Так, уже неоднократно подчеркивалась связь «вороньих» и «волчьих» растений, в данном случае хотелось бы подчеркнуть отдельные соприкосновения фитонимов, связанных с хтоническими животными, и фитонимов с компонентом *аист/кукушка*. Так, в белорусской традиции невысокое растение с перистыми листьями и красноватыми цветками в зонтикообразных соцветиях называется в разных регионах *жабнік*, *жабарнік* и *бацяны*, *буслікі* [Там же, 56], ужомник — *ракавыя шыйкі*, *вянжоўнік* и *зяўзюльнік*, *зяюліна* [Там же, 68], молочай — *малако буслава* (*буськава*, *буслінае*), *буслікі* и *малако вужовае* [Там же, 93], подорожник — *ужачнік* и *кукушка* [Там же, 121].

И наконец, к хтоническим атрибутам обращались для обозначения ядовитых или непригодных в пищу грибов: укр. *вужачка*, *гадючий гриб*, *жаб’ячий гриб* [Шамота 1985, 43], *вужачкі*, *вужоўкі* [СБГПЗБ 1, 334], *жабовікі*, *жабюкі* [ТС 2, 55–56]. В то же время укр. гуцул. *гадичник* — крупный гриб белого цвета [Піпаш, Галас 2005, 32].

Традиционно к хтоническим животным относят и мышь, хотя ее мифологический облик не включает коннотаций «болотное», «влажное» и т. д. И в целом фитонимы с «мышинным» компонентом не именуют растений ядовитых или имеющих иную негативную окрашенность. В данном случае актуальными стали особенности внешнего вида — подобие с частью тела мыши (ср. пол. *mysze uszka* ‘незабудка болотная *Myosotis palustris* L. Nathorst.’ [Spólnik 1990, 32]; *мишичий фіст*, *мишачник* (*Мишичий фіст дуже добре класти до рани, аби борше загоїласи* [Матеріали 1978, 78]); *тусу огон* ‘*Spiraea filipendula* L.’ [Spólnik 1990, 49]) — или даже указание на непригодность растения в пищу человеку (*мишиний горошок*, укр. *мишичий горошок* ‘вика’). Вместе с тем, симптоматично использование притяжатель-

ных прилагательных *мыший* и *жабий* в названиях одного и того же растения: пол. *żabi mak, mysze iayka* [Spółnik 1990, 53]; *zabye trzeucze, myszotrzew czerwony* у *modry* 'очный цвет *Anagallis coerulea*' [Spółnik 1990, 27]. Образ летучей мыши более негативный, что находит отражение и в сфере ботанической номенклатуры — *лятучая мыш* у белорусов называется *блэкат* [РС 2001, 54], имеющий и такие диалектные названия, как *воўчы мак* и *чортавы гарлачы*.

В этих названиях актуализируются те признаки и свойства растений, которые отражают практическое и культурно-мифологическое освоение человеком мира природы. Рассмотренный материал свидетельствует об общности стереотипов восприятия растений в восточнославянской и польской традиции. Несомненно, свою роль здесь сыграли географическое соседство, ландшафтная и климатическая близость, однако решающими факторами в выборе модели номинации стали общие этнокультурные представления восточных славян и поляков как о знаковых функциях растений, так и о хтонических животных.

Литература

- Ажэшка 2000 — *Ажэшка Э.* Людзі і кветкі над Нёмнам // *Ажэшка Э.* Выбраныя творы / Уклад., прадм. і камент. В. Гапавай. Мінск, 2000. С. 457—504.
- Анненков 1878 — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- Баршчэўскі 1990 — *Баршчэўскі Я.* Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных запавяданнях. Мінск, 1990.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гуцульскі 1997 — Гуцульскі говірки. Короткий словарь / ред. Я. Закревська. Львів, 1997.
- Жукова — *Жукова Т. В.* Языковая картина мира в наименованиях растений // http://www.bigpi.byisk.ru/ff/print.php?type=A&item_id=21
- Ипполитова 2008 — *Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники XVII—XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008.
- Коновалова 2001 — *Коновалова Н. И.* Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург, 2001.
- Криничная 2000 — *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000.
- Матеріали 1978 — Матеріали до словника буковинських говірок. Навчальний посібник Чернівці, 1978. Вип. 5.
- Піпаш, Галас 2005 — *Піпаш Ю., Галас Б.* Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород, 2005.
- РС 2001 — *Раслінны свет: Тэматычны слоўнік / склад. В. Дз. Астрэйка і інш.; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі.* Мінск, 2001.
- Салавей 2006 — *Салавей Л.* Змяіная трава // *Беларуская мифалогія. Энциклапедычны слоўнік / С. Санько і інш.; склад. І. Клімковіч.* 2-е выд. дап. Мінск, 2006.
- Санько 2006 — *Санько С.* Жабер-трава // *Беларуская мифалогія. Энциклапедычны слоўнік. / С. Санько і інш.; склад. І. Клімковіч.* 2-е выд. дап. Мінск, 2006.
- СБГПЗБ — *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча.* Мінск, 1979—1986. Т. 1—5.
- СПГ — *Словарь пермских говоров.* Вып. 1 (А—Н). Пермь, 2000. Вып. 2 (О—Я). Пермь, 2002.
- СРГКП 2006 — *Словарь русских говоров Коми-пермяцкого автономного округа / науч. ред. И. А. Подюков.* Пермь, 2006.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* М.; Л.; СПб., 1965—.
- Ставшина 2008 — *Ставшина Н. А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. Сыктывкар, 2008. (Компьютерный вариант рукописи).
- ТС — *Тураўскі слоўнік.* Мінск., 1982—1987. Вып. 1—5.
- Шамота 1985 — *Шамота А. М.* Назви рослин в українській мові. Київ, 1985.
- ЭСБМ 1985 — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* Мінск. 1985. Т. 3.
- Chodurska 2003 — *Chodurska H.* Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich. Kraków, 2003.
- Rostafiński 1895 — *Rostafiński J.* Zielnik czarodziejski to jest zbiór przesądów o roślinach // *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej.* Kraków, 1895. T. XVIII. С. 1—191.
- Sokońska 2003 — *Sokońska U.* Zestawienia w funkcji XVI-wiecznych nazw botanicznych // *Białostockie archiwum językowe.* Białystok, 2003. № 3. С. 177—213.
- Spółnik 1990 — *Spółnik A.* Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Kraków, 1990. (Prace komisji językoznawstwa).